

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Иллюстрация на обложке
Эльвиры Баймуратовой (elvirabay)

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Арсланова, Саша.

А85 Осинка. Чужая сила : [роман] / Саша Арсланова. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 288 с. – (Уютное фэнтези).

ISBN 978-5-17-164854-1

Осинка не ожидала, что праздник Представления Великим Прародителям обернется кошмаром. Что Мать-Вода отдаст ее в счет древнего долга незнакомцу, а Великий Лес в попытке защитить подарит свою силу.

Привычная и знакомая жизнь меняется в одночасье. Вместо родного дома – избушка в чаще леса и наставник-волк, вместо верных друзей – молодой хранитель. Как приручить свою силу и защититься от врагов?

И неужели ей нужно умереть, чтобы найти свою судьбу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Саша Арсланова, 2024
В оформлении макета
использованы материалы
по лицензии
© shutterstock.com
© elvirabay, иллюстрация
на обложку
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-164854-1

ГЛАВА 1

Коса надоедливая опять за ветку зацепилась, потянула, заставила остановиться со всего маха. Надоела! Отрежу ведь. И, словно чувствуя, распалась она по волосинке, плащом темным спину покрыла, шелковистыми прядями погладила. Я ухмыльнулась, любил лес со мной поиграть: то следы запутает, то сломанное дерево на тропинку положит, обходи, мол. А мог и полянку земляничную подарить. Или травки редкие. Но сейчас я торопилась, некогда мне было лес слушать. Отцепила от волос древесный сучок и припустила со всего духа к дому. Сегодня в деревне праздник, все должны быть! И так уже мама, поди, сердится, что девка куда-то подевалась, совсем замечталась, забылась.

Но лес не хотел так просто отпускать: стоило задуматься, как тут же молодой дубок корень свой мне под ноги выпустил, а я перепрыгнуть не сумела, растянулась во весь рост. И смешно, и больно: нос разбила, испачкалась вся — налетайте, женихи, где вы еще такую непутевую найдете?

И тут уж пришлось выбирать: либо совсем опаздывать и бежать через избу переодеться, либо прямо так — по короткой тропинке сразу на общак. К людям прибиться да спрятаться за спинами, может, и не заметит никто. И не надо гадать, меня зная, какую тропку я выберу. Переплела косу, листом лицо утерла и, никуда не торопясь, пошла к берегу на Представление.

Стоило заметить, праздник в этом году для меня непростой был. Еще предки наши заповедали: как молодая девка свое семнадцатое лето отпразднует, так надо ее с Огнем-Батюшкой да Водой-Матушкой познакомить. И умыть щедро из студеной речки, и согреть потом у костра жгучего, чтобы узнавали ее и любили стихии древние, нами особо почитаемые.

С тех пор, конечно, много лет минуло, и я, к слову, в мать пошла — у них в роду принято Землю больше чествовать, поэтому особо по поводу торжества я не волновалась. Да и девок, вошедших в пору, в этом году много было. И все как на подбор: рослые, румяные, косы с кулак толщиной — есть кем гордиться, кем хвастаться перед Прародителями.

А я? Ну, что я. Даром родители Осинкой называли — ни стати, ни высоты от деревца-тезки мне не досталось. Подросток как есть. Меня даже братья все продолжали детским прозвищем дразнить — Листик. Не доросла я пока до дерева, а Листик, по мне, в самый раз.

Вышла к общаку и призадумалась. Идти вперед, толкаться или спрятаться за спинами? Может, про меня и не вспомнят? А что обряд пропущу,

так это ничего. Отец, правда, сердиться будет, но он на меня долго никогда не злится, как-никак одна я у него девчонка среди сыновей. А мама меня потом уже Земле по своим обычаям отдельно представит, она Огонь с Водой, конечно, уважает, но Земля — кормилица, маме она роднее, привычнее.

Когда я подошла, девушки-подружки уже кружились в хороводе да песни заздравные пели. И хотела бы полюбоваться я на красоту такую, но из-за спин не решилась выходить, родителям на глаза боялась показаться. Да и где они в самом деле? Неужели меня ждут дома и праздник из-за бестолковой девки пропускают?

Тут я расстроилась по-настоящему, одно дело — сама опоздала, так нет же — всю родню подвела. Знала ведь, что братья очень пойти хотели. Смешно-несмешно, а невест присмотреть надо. Яромиру давно пора жениться, но больно строг он к своей будущей жене: и чтоб стройна, и лицом мила, и на кухне управлялась, и скотину вела, да из семьи хорошей родом. Мама только вздыхала, уже и не думая старшего сына женить. И у близнецов: Драмира и Велислава — возраст подошел, теперь они с полным правом на праздник должны были прийти, в первых рядах стоять, невест выбирать. Но ни братьев, ни родителей я не увидела.

Празднество меж тем набирало обороты. Подходили невесты одна за другой к реке нашей, Ключинице, прямо в одежде по шею в воду заходили, венки с голов снимали и пускали вниз по течению — подарок Матушке-Прародительнице делали.

Их девки загодя плели — сначала цветы да травки собирали, что-то сушили, что-то свежее

добавляли. Говорят, иные и выращивать заранее начинали, года за два до Представления, но это уж совсем сказки. Раньше по тому, что в букете, знающему человеку сразу понятно становилось, из какого рода красавица, кто мать с отцом, хорошая ли жена выйдет, добрая ли хозяйка. Сейчас это больше традиция, как, впрочем, и само знакомство с Прародителями. Но традиция, соблюдаемая неукоснительно.

А венки у меня сегодня все-таки был. Я и в лесу потому задержалась — помнила полянку, богатую на цветы. Только вот оставила все на последний момент, плела впопыхах, можно сказать, и не глядя вовсе. По моему венку вряд ли кто скажет, откуда девка родом... Не назовут безрукой, и то хорошо.

Оставлять без подношения Мать-Воду было неправильно. Осторожно, за спинами соседей, я стала пробираться к реке немного в стороне от остальных, чтобы совсем уж не ломать установившийся порядок.

Бережок на общаке у нас был хороший — пологий и широкий. Говорят, обустроивали его наши предки специально, деревца пересаживали, землю носили, утаптывали. И правда, вся жизнь в деревне вокруг этого берега была: и праздники великие, и свадьбы по осени, да поминальные встречи. Если бы я по берегу к реке спустилась, тут уж точно меня бы все заметили. За уши, конечно, не стали бы тягать, уже немаленькая, но ропота было бы много — не принято у нас идти против обычаев. Еще гнев Прародителей накликаешь!

Поэтому я прошла за кустами выше по течению, туда, где ивушки-красавицы до самой воды листья свесили. Опустилась на колени под одним из деревьев и стала Великую Мать о прощении просить. Что взять с меня, озорной да несобранной? Даром что восемнадцатый год. Никак не повзрослеть! Мне бы в лесу побегать, ягоды поискать. Ну уж никак не думать, какой стороной в хороводе повернуться, чтобы любимый заметил да со двора замуж увел, в семью новую. Эх, я...

Достала веноч, в подол завернутый. Ничего, не сильно помялся. И пустила по реке, молясь, чтобы приняла Вода подношение. Ибо сказывали у нас: если дар она не принимала, а веноч девичий попадал в руки к какому-нибудь заезжему незнакомцу, то девка в его распоряжение навечно поступала. А уж женится он или чернавкой сделает — это только ему самому решать. И ни родители, ни старейшины рода тут не указ. Становится девка без рода, без племени, пока молодец не сжалится да замуж не возьмет.

Проводила я свой веноч глазами, пока течение его не закрутило и не унесло в сторону. Бурная у нас река, гневливая, не раз наводнениями наказывала. А уж если без подарка кто за рыбой пойдет, то и лодку перевернуть могла или отнести подальше от дома — возвращайся потом на своих двоих и лодку на горбе носи. Около нашей деревни Ключиница разливалась очень широко, берега противоположного видно не было. Только в ясную солнечную погоду можно было разглядеть пики гор, едва различимые на стыке воды и неба.

Бабушка Добролика нам сказки рассказывала, что в тех горах давным-давно поселились боги же-

стокие и мстительные, стонал под их властью простой люд. И только наши Прародители, Великие Стихии, смогли победить захватчиков. Дальше сказки расходились: кто Мать-Воду прославлял, даруя ей победу в Великой Войне, а кто баял — общими усилиями свергли деспотов. Но только все знали, что Воздух всегда был на стороне злых богов, поселил их в своем доме, делил с ними хлеб. Оттого нет сейчас людей, которые бы ему поклонялись. Но под покровом ночи шепчут: ходят по земле еще дети тех самых жестоких богов и воздушной стихии, и горе тому, кто попадет на их пути.

Я не сразу сообразила, что песни у воды закончились, значит, надо было бежать обратно. Если Матушка подношение мое приняла, то уж Батюшка-Огонь у нас суров. Хочешь не хочешь, а подойти и поприветствовать его нужно со всей почтительностью, не забывая о традициях. Негоже хозяйке будущей с огнем враждовать. Тут и печь, которую всю жизнь знаешь, обожжет, и банька, ласковая к другим, ошпарит так, что неделю красной ходить будешь. Наскоро умывшись, я поспешила к остальным.

Здесь уже не стала за спинами стоять, протерла себе путь локтями, села рядом с девицами на бревне перед костровищем. Они, бедные, мерзли, из воды выйдя, и недовольно на меня посматривали. Только подружка моя, Волнинка, улыбнулась и подмигнула. Она, хохотушка, не умела злиться вовсе. А уж красива была — загляденье! Высокая, ладная, и глаза смешливые на солнышке ярче неба синего сверкали. Не то что мои, на мох болотный похожие. Смотрела я на нее и взды-

хала, а уж как братьям своим нахваливала! И не забывала в гости подруженьку звать! А вдруг приглянется кому? Я тогда сестрицу любимую обрету. Но Яромир почему-то не смотрел на Волнину, да и близнецы стороной ее обходили. Я пообижалась на них немного, но кто ж на братьев долго злится? Вдохнула — и оставила попытки с подружкой породниться. Авось братья не хуже жен найдут.

Между тем старейшина наш — Можай, дядька мой по отцу — раскладывал загодя приготовленный хворост и сухие березовые дрова. У него задача сложная была — костер развести с одной лучины, чтобы Прародителя порадовать. В этот год старейшина не оплошал, костерочек сразу бодро разошелся, разгорелся, высоким пламенем в небо взмыл. Всем понятно стало: здесь он, наш Батюшка, не осерчал, пришел на невест полюбоваться. Мы же начали песнь, и одна за другой повели хоровод вокруг огня живого, показываясь во всей красе. То подходя совсем близко, чувствуя жар на лице, то поворачиваясь спиной, вглядываясь в сумерки леса.

Обычно пляски продолжались до тех пор, пока Прародитель не насмотрится-налюбуется, да и погаснет, уступая дорогу молодым парням, для которых самое время наступает. А они уж своего никогда не упустят — похвалят понравившихся девчонок и хохочущих утянут за собой — тропки любимые показывать да ночным небом любоваться. По осени и свадьбы начнут играть...

Костер начал спадать, но почему-то не постепенно, как обычно, а резко, будто лучину в темной комнате задули. Не самое лучшее предзнамено-

вание, поэтому и зашептались, зароптали люди за нашими спинами.

На несколько мгновений тьма стала совсем непроглядной, а потом за шиворот, как иголки, побежал морозец, волосы и шея мигом подернулись инеем. Стало очень тихо, я отчетливо услышала, как рядом у Волнины бьется сердце. Быстро-быстро, как у загнанного зверька. Может, мое также билось, не знаю... Только ставшие мокрыми ладони разомкнулись, и наши руки безвольно упали вдоль туловища. Из темноты начали проступать знакомые картины: вот негромко плещется река, вот лес совсем рядом — тянется к нам своими крючковатыми руками.

А на месте пепелища стоял незнакомец. И вроде бы глазу не за что зацепиться, а чувствовалась в нем сила какая-то страшная, чужеродная. И молодой совсем, весен двадцать всего отметил. Но лицо суровое, длинное. Нос с горбинкой, жесткая черная борода. И, поди ж ты, кудри смоляные на голове. Девчонкам на зависть.

Первым, как и положено, опомнился старейшина. Подошел ближе, за ним сыновья его встали, оттеснив нас, девчонок, плечами широкими. Они воинскую выправку сразу разглядели, не то что я, нос да кудри разглядывала. А незнакомец вдруг первый заговорил, и видно было, с каким трудом он слова из себя выдавливал:

— Я... — махнул он рукой в сторону Ключницы. — Оттуда пришел.

— Добро, — кивнул старейшина. — Гостям у нас всегда рады, коли с миром приходят. Праздник у нас сегодня. Подходи, сейчас костры наново за-

ждем, — засуетился Можай, на сыновей оглядываясь. — Садись рядом, угощайся.

— Погоди приглашать, — проскрипел мужчина. — Я за долгом, моему божественному Предку обещанным. Ныне время подошло, — глянул исподлобья он на нас с Волниной.

— Великая Вода подтверждает мое право, — и он протянул старейшине мокрый венок.

Еле слышно ахнул кто-то в толпе, а по моим плечам опять иглами скользнул мороз.

Несколько мгновений все молча смотрели на этот венок. Я подметила, что он пообтрепался, вон цветы уже выпадают, видимо, впопыхах плели.

А потом сообразила, кто плел тот венок, и колленки мои подогнулись. Осела я на землю, как куль с мукой, хватая ртом воздух. И уже ни одной мысли в голове не осталось, только страх дикий.

Долг предков. Это что же получается? Я его отдавать пойду? Вот совсем недавно же прыгала по лесу, резвилась, а теперь уже, почитай, со светом прощаться пора? А мама? Когда подумала о маме, слезы хлынули из глаз рекой.

Рядом опустилась Волнинка, по голове погладила, и вроде даже полегче стало. Но оглянулась вокруг — и сразу наткнулась на взгляды жалостливые. Сказывала я ранее, что означает венок девичий в руках чужака. Но ведь ни разу за всю мою жизнь не было такого. Басня просто, которой девчонки пугали друг друга накануне Представления. Как же вышло, что все всерьез?

ГЛАВА 2

Ночью в лесу было холодно, несмотря на то, что лето и не думало уступать осени. Мелкий дождик надоедливо проникал сквозь плащ, а ветер, хоть и совсем слабый, заставлял съезживаться под мокрой одеждой и мечтать о теплой печке в родной избе. Ноги по знакомым тропкам ступали быстро, уверенно, след в след за мужчиной. Он не собирался на меня оборачиваться. Кажется, как ушли из деревни, ни разу не посмотрел, иду я следом или нет. А до того только пару слов мне сказал, будто злился за что. Слезы опять начали подступать к глазам, противно скатываясь по кончику носа.

Родители с братьями все-таки пришли на праздник, видно, долго меня ждали. А и надо было тогда из леса сразу домой пойти, ну, подумаешь, мать бы полотенцем поддала, да братья подзатыльниками наградили. И сам лес неспроста хулиганил, не пускал меня. Но догадливая я только задним умом.

Хуже ничего нет, чем осознавать, что причина горе любимым людям. Мне даже не дали подойти к ним, несколько крепких мужиков держали враз постаревшего отца и разъяренных братьев, а мать такую я видела только, когда бабушка умерла... И родителей жалко, а себя — сильнее, но никто не мог пойти против воли Прародителей. Еще помнили древние заветы и силу, с которой нельзя не считаться. Только мнилось мне — случайность это, пройдет немного времени, и образуется все. Не могли Стихии от меня отказаться, не хуже других я девка.

Прошагав версты две вдоль Ключиницы, мужчина остановился на небольшой полянке, окруженной елками, скинул заплечный мешок и начал собирать ветки для костра. Я некоторое время молча смотрела, потом взялась ему помогать, кажись, не умерла еще, да и не безрукая, в стороне стоять.

Костер разгорался плохо, мокрые ветки шипели, а когда занялись, больше дымили, чем давали тепла. Незнакомец расстелил свой плащ рядом с огнем, завернулся в него и, кажется, уснул. А я притулилась с другой стороны, опершись на еловый ствол, не решаясь лечь на землю. Елочка тут же приобняла меня ветками пушистыми, укрыла от непогоды и холода, утешать начала по своему. Я взглянула на спутника — видел, нет? Но тот, похоже, спал.

Никогда и никому не рассказывала о том, как с лесом общаюсь. Возможно, мама и догадывалась, когда я маленькая чуть что — бежала во двор, березе жаловалась, но то — детские причуды. Сна-

чала я пыталась объяснить, но кто малявку послушает, я и в Болотного Лешего верила, и про Домового рассказывала. А повзрослев, не стала никому говорить, что Лес наш — живой. Да и как сказать, если только я его и слышала.

Так и просидела остаток ночи, иногда задремывая и тут же вскидываясь с непривычки. На рассвете я, видимо, все-таки уснула крепко, потому что, открыв глаза, увидела уже яркое солнце над головой, а спутника моего рядом не было. Позволила себе пару минут помечтать, что привиделось мне все вчерашнее. Сейчас встану да побегу домой! А потом поднялась, растерла затекшие ноги и сняла тяжелый влажный плащ. Развесила его на ветках. Может, и успеет высохнуть.

Места были знакомые, не раз сюда забредала я в поисках ягод. Вспомнила полянку добрую недалеко. И от места ночевки не уйду, не потеряюсь, и земляники на завтрак наберу. Если повезет, то и грибы попадутся. И точно, полянка нашлась там, где я ее видела, небольшая, но усыпанная красными земляничками, шагу некуда ступить. Я наклонилась и ягоду за ягодой в рот стала отправлять, со вчерашнего дня ведь не ела ничего, не хотелось. А одну попробовала — и не остановиться.

Так увлеклась, что заметила зверя, только когда он встал в полный рост и солнце мне закрыл. Медведь вышел со стороны леса, тоже решив перекусить. Он стоял надо мной, поводя носом и решая, что делать. Никогда не было такого, чтобы с лесными жителями я не могла договориться. Лучше бы, конечно, вовремя уходить с их пути, но сегодня

я его просто не услышала — ни шороха кустов, ни хруста валежника под тяжелыми лапами. А веточки склонившейся над поляной березки тревожно зашептали: «Раздражен... С лесом не знаком... Опасность... Нападет! Нападет!» Я осторожно начала пятиться назад на корточках, как и стояла:

— Здравствуй, Хозяин лесной, не обижайся, не хотела я на пути у тебя стоять. — Медведь зарычал, а я замерла на месте, но говорить не перестала.

— Я тут землянику нашла, попробуй, не побрезгуй лесным угощением. Солнышко в этом году ласковое было, много ягод в лесу появилось. И дождик не обидел, щедро поил водицей. Земляника крупная, сочная, всем хватит. Ежели мешаю тебе, то пойду своей стороной, — я бормотала и чувствовала, как успокаивается медведь, расслабляется. Опускается вздыбленная холка. Но я знала, на поляне он терпеть меня не будет. И постепенно отходила под защиту деревьев.

Оставалось всего пару шагов сделать, чтобы медведь клыки страшные спрятал. И я даже выдохнула с облегчением, поднимаясь на ноги, думая, насколько все-таки с животными проще, чем с людьми. Как сразу же мимо моего плеча пролетел блестящий кинжал. А следом и мужчина, оттолкнув меня за спину и обнажив меч, заступил дорогу медведю. Нож царапнул лобастую морду и отскочил на землю. Разъяренный зверь заревел и бросился на нас. Теперь ведь не отпустит, пока не достанет. Либо сам подохнет, либо нас порвет. От страха ноги совсем ватные стали. Я попятилась назад, пока не уперлась спиной в ствол дерева, и замерла.

Медведь был уже не молод — в черной шерсти светилась седина. Он был осторожен, но быстрые и точные удары мечом его раздражали, заставляли раз за разом нападать и напарываться на острие. От тяжелого звериного запаха, к которому примешалась кровь, мне стало плохо, я зажмурилась. Потому и не разглядела страшный замах, не сумела увернуться. Я закричала от боли, полоснувшей по животу, а потом вовсе вокруг все потемнело и пропало.

«Осинка, Осинка», — шелестящий голос будил и тревожил, что-то надоедливо щекотало нос, и я нехотя открыла глаза. И тут же обрадованно загудел лес вокруг, зашумели веселые елочки: «Очнулась! Жива!»

С трудом перевернувшись, я охнула и потянулась рукой к правому боку. Ничего хорошего там не было — одежда набрякла от крови, а вдоль ребер шли четыре глубокие раны от когтей: отметил меня Хозяин лесной.

Животное лежало совсем рядом, жутко закатив глаза. Шерсть на морде слиплась от крови и смердела до дурноты. Цепляясь за траву и кустарник, я отползла к стене деревьев, обрамлявших поляну, прислонилась больным боком к теплому стволу и закрыла глаза:

— Помоги мне, березушка...

И тут же почувствовала отклик, как будто колючие иголки запустили под кожу. А Лес был очень сердит. Так, как сердится житель деревни на приезжего, вздумавшего устанавливать свои по-